

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. Наука: концептуализация и демаркация по отношению к философии и гуманитаристике // Философская мысль. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.12.72568 EDN: XXTMWC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72568

Наука: концептуализация и демаркация по отношению к философии и гуманитаристике

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник, Институт философии, Российской академия наук
109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

 rozinvm@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия науки и образования"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.12.72568

EDN:

XXTMWC

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2024

Дата публикации:

29-12-2024

Аннотация: В статье обсуждается проблема демаркации науки по отношению к философии и гуманитаристике. Приводятся также примеры претензий на научный статус авторов эзотерических учений (М. Сведенборга, Р. Штейнера, М. Лайтмана) и отрицательная реакция на них И. Канта. Анализируются общие и различные характеристики науки и философии: и там и там строятся идеальные объекты и осуществляется познание, но с разными целями и по-разному. Философ конституирует правильные способы получения знаний и создает для ученого образцы идеальных объектов, позволяющих рассуждать без противоречий и решать стоящие перед ученым проблемы (и не только для ученого, но и себя). Ученый на основе этих образцов и правильных способов получает знания о существующих явлениях; последние или существуют сами по себе, например, как природные стихии (планеты, небо, земля, вода,

движения и пр.) или создаются человеком (орудия, здания, армия, но и платоническая любовь и т.п.). Однако не все явления удалось промоделировать в естествознании; невозможность математизации и галилеевского эксперимента по отношению истории, культуре, человеку, обществу стала очевидной к концу XIX, что было осознанно в различении и противопоставлении «наук о природе» и «наук о духе». Обсуждается проблема полагания объектов гуманитарных наук, в связи с чем устанавливается следующий ряд: виртуальный объект → становящийся → реальный → возможный объект. Поскольку Сведенборг и последователи его учения жили и мыслили в соответствие с его учением, у них не могли не сложиться сознание и жизненный мир, отвечающие этому учению. Следовательно, сложился и соответствующий возможный объект, по отношению к которому учение Сведенборга выступало как своеобразная семиотическая модель. Автор считает, что неразличение естественных и гуманитарных наук и новые гибридные типы исследований, например, междисциплинарные или социальные, в которых реализуются одновременно две методологии – естественнонаучная и гуманитарная, создали ситуацию, когда трудно установить эпистемологический статус многих претендующих на науку дисциплин.

Ключевые слова:

наука, философия, гуманитаристика, природа, идеальные объекты, мышление, математика, эксперимент, дисциплина, объект

В настоящее время трудно провести границу между наукой и ненаукой. Не только философию часто называют наукой, можно встретить утверждение, что, например, каббала является наукой или учение Рудольфа Штейнера. Глава, пожалуй, одной из самой большой современной школы каббалы, Михаил Лайтман считает, что каббала тоже наука, «только о высшем духовном мире». «У многих вызывает сомнение, – пишет он, – является ли наука каббала действительно наукой. Считать ли науку каббала естественной, о природе окружающего мира, как физика, химия и прочие, или гуманитарной, как философия, психология. Или это особая наука, поскольку требует от своего исследователя не просто знаний, а обладания особым свойством, которое не дано от рождения человеку... каббалист изучает высший мир, из которого все нисходит в наш мир... наука каббала не менее, а даже более реальная наука, чем остальные, потому что изначально принимает во внимание тот факт, что постижение человека полностью обуславливается его органами восприятия» [8, с. 9]. «Повышение ценности бытия человеческой личности, – пишет Р.Штейнер в 1891 г. в докторской диссертации по философии, – это есть цель всей науки...Результатом этих исследований является, что истина не представляет, как это обыкновенно принимают, идеального отражения чего-то реального, но есть свободное порождение человеческого духа, порождение, которого вообще не существовало бы нигде, если бы мы его сами не производили. Задачей познания не является повторение в форме понятий чего-то уже имеющегося в другом месте, но создание совершенно новой области, дающей лишь совместно с чувственным миром полную действительность...Познание покоится, таким образом, на том, что содержание мира дано нам первоначально в такой форме, которая несовершенна, не всецело его содержит, но которая кроме того, что она предлагает непосредственно, имеет еще вторую существенную сторону. Эта вторая, первоначально не данная сторона содержания мира открывается через познание. Таким образом, то, что является нам в мышлении обособленным, это не пустые формы, но сумма определений (категорий), которые, однако, являются формами для остального содержания мира. Только добытый

через познание образ содержания мира, в котором соединены обе его стороны, может быть назван действительностью» [\[16, с. 7, 8, 37\]](#).

Духовное учение Эммануэля Сведенборга, крупнейшего шведского ученого и инженера начала XVIII столетия, тоже, как ни странно, похоже на науку. Хотя Сведенборг рассказывает, каким образом устроены люди, небеса и ад, как он общался с ангелами и наблюдал Господа, тем не менее, по убеждению шведского ученого и духовидца описанный в его учении духовный мир обуславливает мир природы, причем для последней характерны обычные законы естествознания. «Скажем наперед, – пишет Сведенборг, – что такое соответствие: весь природный мир соответствует духовному не только в общности, но даже и в каждой частности; поэтому все, что есть в природном существует вследствие духовного мира, называется соответствием...Ангелы изумляются, когда узнают, что есть люди, которые все приписывают природе и ничего не относят к Божественному началу...Между тем им стоило бы только вознестись умом, чтобы увидеть, что эти чудеса происходят от Божественного (начала), а не от природы; что природа создана только для того, чтобы облекать духовное и соответственно изображать его в последней степени порядка» [\[13, с. 48, 52-53, 8, 37\]](#).

Странно, почему И.Кант, ставивший в «Критике чистого разума» одной из своих задача – освободить место для Творца («мне пришлось, – пишет он, – ограничить (aufheben) знание, чтобы освободить место вере» [\[17\]](#)), так ополчился на Сведенборга. «Поэтому я нисколько не осужу читателя, – пишет он, – если он, вместо того, чтобы считать духовидцев наполовину принадлежащими иному миру, тотчас же запишет их в кандидаты на лечение в больнице и таким образом избавит себя от всякого дальнейшего исследования...в творчестве Сведенборга я нахожу ту самую причудливую игру воображения, какую многие другие любители находили в игре природы, когда в очертаниях пятнистого мрамора им рисовалась святая семья или в сталактитовых образованиях – монахи, купели и церковные органы...Я устал приводить дикие бредни самого дурного из всех фантастов или продолжать их вплоть до описания им состояния после смерти...было бы напрасно пытаться скрыть бесплодность всего этого труда – она бросается в глаза каждому» [\[7, с. 327, 340, 347\]](#).

Может быть, потому, что Кант предлагал за образец правильного философствования брать математику и естествознание? И Гегель последовал за ним, говоря, что «Истинной формой, в которой существует истина может быть лишь научная система ее. Моим намерением было – способствовать приближению философии к форме науки, к той ее цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени любви к знанию и быть действительно знанием» [\[6, с. 3\]](#).

Отступим в истории еще дальше, дойдя до Аристотеля, который наряду с Платоном считается заслужителем дискурсивности философии, но и науки. В качестве примера последней указывают на его «Физику» («Физика», читаем мы в Интернете, – «фундаментальный трактат Аристотеля, заложивший основы физики как науки» [\[15\]](#)). Но так ли это, можно ли отнести «Физику» Аристотеля к науке, пусть даже античной, а не естественной?

Общие и различные характеристики науки и философии

Вряд ли Аристотель рассматривал «Физику» как науку, для него это философия применительно к осмыслению движения. Стагирит в этой работе обсуждает, каким образом можно непротиворечиво помыслить движение (для этого приходится

представить его категориально, ввести представление о природе, изменить понятие времени); как свести к движениям «изменения», снять апории Зенона, объяснить основные виды наблюдаемых в природе движений. Такой тип работы (снятие противоречий, задание правильных способов мышления, новых понятий и реальности) традиционно относится к философии; к тому же «Физика» для Аристотеля была не наукой (такого понятия еще не существовало), а получением правильных знаний («эпистем») о природных движениях (то, что происходит «по природе»).

Введение этого важного представления («по природе») потребовалось Стагириту, с одной стороны, чтобы учитывать при получении знания наблюдаемые явления, «вещи» (поэтому вслед за Parmenidом приходилось признать, что они существуют), с другой – объяснить, как связано получение правильного знания с эффективным практическим действием (последнее как «искусственное» движение должно идти как бы на волне «естественного» движения, совершающегося по природе). Знание эпистем Аристотель связывал с познанием причин и сущности изучаемого явления, для этого в свою очередь, необходимо было правильно мыслить, опираясь на аристотелевские правила и категории. Итак, три основания правильного познания: во-первых, уверенность в существовании представленного в эмпирических знаниях познаваемого явления, во-вторых, следование аристотелевской логике, позволяющей строить «идеальные объекты» (например, фиксированные в определениях и понятиях «движение» и «время»), в-третьих, получение знаний, выводящих на эффективные практические действия.

Идеальные объекты пришлось создавать, чтобы снять противоречия и решать проблемы, стоящие перед античной личностью. Например, в «Пире» Платон задает любовь как идеальный объект, приписывая ей как идею фиксированные характеристики (любовь – это поиск своей половины и стремление к целостности, а также вынашивание «духовных плодов» – прекрасного, блага и бессмертия). Любовь как идея создается в данном случае с целью снятия противоречий и создания условий для самостоятельного выбора возлюбленного (возлюбленной). В «Федре» Платон поясняет: «Так поступили мы только что, говоря об Эроте: сперва определили, что это такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стали рассуждать; поэтому-то наше рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе» [\[9, с. 176\]](#).

Античная наука («Начала» Евклида, работы Архимеда и некоторых других античных авторов) сложилась после Аристотеля в эллинистический период, когда работа по построению идеальных объектов и получению эпистем обособилась от философской деятельности. Если философы сосредоточились на снятии противоречий, критике, задании правильных способов мышления, новых понятий и реальности, то ученые взяли на себя задачу получение эпистем относительно определенного класса существующих явлений. Например, как Архимед относительно плавающих тел и кораблей, хотя в организации знаний и логике их получения (определения, доказательства эпистем, построение идеальных объектов и прочее) он полностью следует за Аристотелем [\[10, с. 239-255\]](#). Действительно, его работа «О плавающих телах» построена строго по Стагириту: формулируется аксиома, с опорой на которую, следуя «Аналитикам» Аристотеля, доказываются теоремы. При этом Архимед использует сложные геометрические чертежи, изображающие жидкость и погруженные в нее плавающие тела (и то и другое Архимед задает как идеальные объекты). Вне теории эти тела рассматривались как модели разрезов (сечений) кораблей. Дело в том, что в практическом отношении эта работа была направлена на выяснение законов устойчивости кораблей (переменным параметром в данном случае является форма их сечения) [\[10, с. 247-250\]](#).

И в философии и в науке строятся идеальные объекты и осуществляется познание, но с разными целями и по-разному. Философ конституирует правильные способы получения знаний и создает для ученого образцы идеальных объектов, позволяющих рассуждать без противоречий и решать стоящие перед ним проблемы (и не только для ученого, но и себя). Ученый на основе этих образцов и правильных способов получает знания о существующих явлениях. Последние или существуют сами по себе, например, как природные стихии (планеты, небо, земля, вода, движения и пр.) или создаются человеком (орудия, здания, армия, но и платоническая любовь и т.п.). Уже в античности всталла проблема осмыслиения изучаемых явлений, поскольку они в познании заменялись идеальными объектами. Если Платон противопоставляет их по свойствам, связывая через «приобщение» (вещи существуют по приобщению к идеям), то Аристотель, напротив, соединяет на основе «первой сущности», совпадающей с единичными вещами (отсюда необходимость учитывать при построении идеальных объектов наблюдаемые свойства вещей).

Архимед догадывался и продемонстрировал на нескольких случаях, что для получения научных знаний, обеспечивающих эффективное практическое действие, идеальные объекты должны заимствоваться из математики, но только в XIII столетии Роджер Бэкон пишет об этом прямо. Однако только в начале Нового времени Галилей показывает, что необходимое условие использования в науке математики – не только математическое моделирование изучаемого явления, но и одновременное приведение в эксперименте этого явления в соответствие с математической моделью [\[10, с. 302-307\]](#). Другими словами, оказалось, что для построения математической модели изучаемого явления, которая и позволяла строить эффективное (прогнозируемое и рассчитываемое) практическое действие, нужно изучаемое естественное явление преобразовать в искусственное. «Что касается содержания, – пишет Френсис Бэкон, – то мы составляем Историю не только свободной и предоставленной себе природы (когда она самопроизвольно течет и совершает свое дело), какова история небесных тел, метеоритов, земли и моря, минералов, растений, животных; но, в гораздо большей степени, природы *связанной и стесненной*, когда *искусство и служение человека выводят ее из обычного состояния, воздействует на нее и оформляет ее...* природа Вещей оказывается более в стесненности посредством искусства, чем в собственной свободе» [\[3, с. 95, 96\]](#) (курсив мой. – В.Р.; в данном случае под искусство человека можно подвести и галилеевский эксперимент). Итак, в естественных науках получаются знания не об естественных природных стихий (явлений), а об искусственных, «написанных на языке математике» и преобразованных в эксперименте.

Не все изучаемые явления удалось промоделировать в естествознании. Проблема существования объектов гуманитарной науки

Невозможность математизации и галилеевского эксперимента по отношению к ряду явлений (истории, культуре, человеку, обществу) стала очевидной к концу XIX, что было осознанно в различении и противопоставлении «наук о природе» и «наук о духе». Но первый звоночек прозвенел еще в средневековой философии, когда св. Августин, желая понять, что такое Бог, пытался истолковать его в аристотелевском научном духе как особую природу. «Я оглянулся, – пишет Августин, – на мир созданный и увидел, что Тебе обязан он существованием своим и в Тебе содержится, но по-иному, не так, словно в пространстве; Ты, Вседержатель, держишь в руке, в истине Твоей, ибо все существующее истинно, поскольку оно существует <...> Я искал путь, на котором приобрел бы силу, необходимую, чтобы насладиться Тобой, и не находил его, пока не ухватился «за Посредника между Богом и людьми, за Человека Христа Иисуса», Который

есть «сущий над всем Бог, благословенный вовеки <...> Я не знал тогда, что Бог есть Дух, у Которого нет членов, простирающихся в длину и в ширину, и нет величины: всякая величина в части своей меньше себя, целой, а если она бесконечна, то в некоторой части своей, ограниченной определенным пространством, она меньше бесконечности и не является всюду целой, как Дух, как Бог. А что в нас есть, что делает нас подобными Богу, и почему в Писании про нас верно сказано: "по образу Божию", это было мне совершенно неизвестно.» [\[1, с. 94, 95, 35\]](#) (выделение наше. – В.Р.).

Августин не стал доказывать, что Бог существует. Апелляция к собственному сознанию для него не выступала в качестве научного аргумента как, например, для Сведенборга. «Теперь, – пишет шведский ученый, – обратимся к опыту. Что ангелы имеют человеческий образ, то есть что они такие же люди, это я видел до тысячи раз: я разговаривал с ними как человек с человеком, иногда с одним, иногда со многими вместе, и никогда я не видел, чтобы внешний образ их чем-нибудь разнился от человеческого; иногда я дивился этому; но чтобы это не было приписано обману чувств или воображению, мне дано было видеть их наяву, при полном сознании чувств и в состоянии ясного постижения» [\[13, с. 42\]](#). Хотя после многолетних размышлений для Августина стало очевидным существование Бога как духа, он не считал, что аристотелевская логика может помочь в доказательстве его существования (будем подобные объекты называть «полагаемыми»). По сути, к подобным объектам можно отнести и кантианскую «вещь в себе»: ее приходится помыслить, но убедиться в ее существовании невозможно (поэтому многие последователи Канта отрицали вещи в себе).

Иная ситуация сложилась в науках о духе (гуманитарных). Здесь явление дано человеку в виде текста (произведения), который можно истолковать разному, причем способ интерпретации определяется самим ученым. «Возможность постигнуть другого, – пишет один из первых философов наук о духе В. Дильтей, – одна из глубоких теоретико-познавательных проблем... Условие возможности состоит в том, что в проявлении чужой индивидуальности не может не выступать нечто такое, чего не было бы в познающем субъекте» (цит. по [\[5, с. 247-248\]](#)).

«Если понимать текст широко, как всякий связанный знаковый комплекс, – разъясняет Михаил Бахтин, – то искусствоведение имеет дело с текстами. Мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах, тексты о текстах. В этом основное отличие наших (гуманитарных) дисциплин от естественных (о природе)...Науки о духе. Дух не может быть дан как вещь (прямой объект естественной науки), а только в знаковом выражении, реализации в текстах...Каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его... он (в своем свободном ядре) не допускает ни каузального объяснения, ни научного предвидения... Возникает вопрос, может ли наука иметь дело с такими абсолютно неповторимыми индивидуальностями...не выходят ли они за рамки обобщающего научного познания. Конечно, может» [\[2, с. 281, 283, 287\]](#).

Мало того, что явления гуманитарных наук выступают как «неповторимые индивидуальности», сформированные, в том числе, позицией и интерпретацией гуманитария, чаще их существование невозможно доказать. Вот один пример, гуманитарное исследование В. Плугина «Мировоззрение Андрея Рублева». Плугин показывает, что Рублев, создавая фреску «Воскрешение Лазаря», почему-то нарушил средневековый художественный канон изображения этого сюжета. Рублев нарисовал Христа, поднимающего из могилы Лазаря, не перед входом в пещеру, где тот был

похоронен, а позади апостолов, которые повернулись к Господу. Плугин утверждает, что Рублев был исихастом и решал не столько художественную задачу, сколько духовную (идеологическую). С точки зрения Плугина, Рублев на примере этого произведения иллюстрировал исихастскую трактовку евангельского сюжета, состоящую в том, что Христос обсуждает со своими учениками (апостолами) чудо воскрешения. «“Тогда Иисус сказал им (ученикам) прямо: Лазарь умер. И радуюсь за вас, что меня не было там, дабы не уверовали; но пойдем к нему”. Плугин уверен, что вифанские иудеи, как народ темный, неодухотворенный, мало интересуют Рубleva. Им отведена третьюстепенная роль статистов, поэтому они идут за Христом. Главное внимание Рублев сосредоточивает на апостолах, идущих по пути богоопознания» [\[11, с. 67\]](#).

Понятно, что Рублев существовал, но вот доказать, что он был исихастом и решал не художественную задачу, а идеологическую, Плугин не может. Тем не менее, предложенная версия меня и многих убеждает, поскольку, во-первых, Плугин все же опирается на факты (именно в этот период на Русь приходит исихазм, а Рублев после 40 лет принимает монашество), во-вторых, интерпретация Плугина хорошо объясняет как нарушение живописного канона, так и другие особенности произведения Рубleva [\[11\]](#). Нельзя ли в этом случае считать, что своеобразным доказательством существования в гуманитарной науке явления, выступают, с одной стороны, факты, полученные при анализе созданного художником произведения, с другой – убедительное, естественно для определенной аудитории, осмысление (объяснение) этого явления? Будем подобный объект называть «возможным». Интересно, что возможный объект – это объект множественный («популятивный»), ведь любое достаточно сложное произведение допускает не одну убедительную интерпретацию, а несколько, следовательно, и полагание нескольких явлений одной, по Канту, вещи в себе.

Цикл становления объектов философии и гуманитарной науки

Выше мы отмечали, что платоническая любовь не существовала всегда, а была конституирована усилиями Платона и его последователей. Более того, можно говорить о цикле становления подобных явлений, к которым относятся многие объекты философии и гуманитарной науки. Действительно, сначала платоническая любовь существует всего лишь в форме «виртуального объекта» (полагаемого) в тексте «Пира». Затем в практике возлюбленных, которым это произведение приглянулось и которые решили практиковать платоническую любовь. На этом втором этапе новый вид любви складывается (становится). На следующем этапе платоническая любовь появляется уже как «реальный» социальный и психологический объект. Кстати, Плутах в диалоге «Об Эроте», с одной стороны, принимает основные характеристики платонической любви, но с другой стороны, пишет, что лучше любить не прекрасного юношу и на стороне, а собственную супругу в семье. Начинается жизнь и эволюция платонической любви, проходящей трансформации в следующих культурах: в средневековой в форме куртуазной любви и в новоевропейской романтической [\[12\]](#). Эти формы платонической любви и эволюцию уже можно изучать, что я и сделал. Получается следующий ряд объектов:

Виртуальный → становящийся → реальный → возможный

Но вернемся к Сведенборгу. Кант, объявляя его учение фантазией, очевидно, считал, что не существует мира, описанного в этом учении. Но явно подобный мир отражал сознание и жизненный мир Сведенборга, который принимал и мир духовный и мир физический. Интересно, что в его научных работах часто встречаются такие

наставления:

- «1. Часто читать Слово Божье и размышлять о нем.
- 2. Покорять себя во всем воле Божьего промысла.
- 3. Соблюдать во всех поступках истинное приличие и хранить всегда безукоризненную совесть.
- 4. Исполнять честно и правдиво обязанности своего звания и долг службы, и стараться сделать себя во всех отношениях полезным членом общества» [\[13, с. 4\]](#).

Сведенборг старался мыслить логически, поэтому отказался от Троицы как противоречия, у него Бог – един. Он как физик не мог помыслить создание человека из «ничего», поэтому в его учении люди как духи бессмертны. Он считал Христа идеалом личности, не случайно Владимир Соловьев писал, что «нравственное учение Сведенборга (по отзыву, между прочим, московского митрополита Филарета) было теологически безупречно» [\[14, с. 518\]](#).

Эпистемологический статус учений типа Сведенборга

Хотя Кант прав, говоря, что, с точки зрения принятой в христианской церкви канонической веры, сведенборгианского мира не существует, он существовал для Сведенборга и его последователей, которых было достаточно много. «В настоящее время, – пишет Х. Борхес, – существует сведенборгианская церковь. По-моему, где-то в Соединенных Штатах они построили хрустальный собор. Эта церковь имеет несколько тысяч последователей в Соединенных Штатах, в Англии, особенно в Манчестере, в Швеции и Германии. Отец Уильяма и Генри Джеймсов был сведенборгианцем. Я встречался со сведенборгианцами в Соединенных Штатах, там они образовали общину и продолжают публикацию книг Сведенборга, переводят их на английский язык» [\[4, с. 529\]](#).

Поскольку Сведенборг и сведенборгиане жили и мыслили в соответствие с его учением, у них не могли не сложиться сознание и жизненный мир, отвечающие этому учению. Следовательно, сложился и соответствующий возможный объект, по отношению к которому учение Сведенборга выступало как своеобразная семиотическая модель. Другими словами, Кант прав по отношению к учению Сведенборга, если иметь в виду адекватное описание христианского мира в плане того, как его понимали христианская церковь и ее прихожане. И не прав, если речь идет о сознании и жизненном мире сведенборгиан. С точки зрения предложенного истолкования, учение Сведенборга мало чем отличается от «Пира» Платона или каббалы Михаэля Лайтмана. Но вопрос о научном статусе подобных произведений и текстов достаточно сложный. С одной стороны, у них много общих с наукой черт: создание идеальных объектов и понятий, установка на познание, полагание в мысли изучаемого явления, дискурсивные рассуждения. Но с другой – локализовать изучаемый объект и доказать его существование очень сложно, часто просто невозможно.

Проблема усугубляется еще и в том отношении, что у науки было два старта. Первый относится к античной культуре, когда сформировались: установка на познание реально существующих явлений и практика построения идеальных объектов, предполагающая, с одной стороны, следование аристотелевским правилам и категориям, с другой – изучение того, что происходит по природе. О втором старте можно говорить, начиная с Нового времени; речь идет о проектах Ф.Бэкона и Просвещения. Здесь познание и природа понимались уже иначе: познание как моделирование природных процессов с

помощью математики, природа, как «написанная на языке математики» и приведенная в эксперименте в соответствие с математическими моделями. Поскольку проект Бэкона ориентировал изучение на овладение природой (расчет, прогнозирование, создание инженерных сооружений), на первый план выдвигается практическое использование полученных в изучении природы научных знаний (в свою очередь эта установка существенно определяла научное познание). Кроме того, проект Бэкона склоняет работать на естествознание другие институты нового времени (государство, образование, промышленность).

В гуманитарных науках сохраняются установки на познание и построение идеальных объектов, но меняются задачи (не овладеть природой, а понять созданные человеком произведения и тексты), а также понимание изучаемых явлений (не классы явлений, а индивиды, «индивидуальные явления», кроме того, как отмечает М.Бахтин, тексты в знаковом выражении, «взаимодействие духов», рефлексивные знания и пр.).

Неразличение естественных и гуманитарных наук и новые гибридные типы исследований, например, междисциплинарные или социальные, в которых реализуются одновременно две методологии – естественнонаучная и гуманитарная, создали ситуацию, когда трудно установить эпистемологический статус многих претендующих на науку дисциплин и, следовательно, провести границу между наукой и ненаукой. Для разрешения этой ситуации, вероятно, нужно сделать следующий шаг в развитии философии науки. Наше исследование было направлено именно на продвижение в этом направлении.

Библиография

1. Августин А. Исповедь: Абелляр П. История моих бедствий. М.: Республика, 1992. 335 с.
2. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: 1979.
3. Бэкон Ф. Новый органон. М.: Соцэкгиз, 1936. 382 с.
4. Борхес Х. Эммануэль Сведенборг / Думая вслух. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. СПб, 2005.
5. Гайденко П.П. Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века // Философские проблемы исторической науки. М.: Наука, 1969. С. 225-262.
6. Гегель Г.Ф. Соч., М.-Л., пер. Г. Шпета. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. 1959 г. 444 с.
7. Кант. Грэзы духовидца, поясненные грэзами метафизики // Кант. Сочинения в 6 т. Т. 2. М., 1964.
8. Лайтман М. Наука Каббала. Т. 1. М., 2002. 639 с.
9. Платон. Федр. Собр. соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 135-192.
10. Розин В.М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. М.: МПСИ, Воронеж: Изд. НПО «МОДЭК», 2008. 600 с.
11. Розин В.М. «Воскрешение Лазаря» Рубleva в интерпретации В. Плугина / Розин. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М.: «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 66-72.
12. Розин В.М. «Пир» Платона: новая реконструкция и некоторые реминисценции в философии и культуре. М.: ЛЕНАНД, 2015. 200 с.
13. Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. Киев: К.: Украина, 1993. 336 с.
14. Соловьев В. Сведенборг // Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1995. Т. 2.
15. Физика (Аристотель). [https://ru.wikipedia.org/wiki/Физика_\(Аристотель\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Физика_(Аристотель))
16. Штейнер Р. Истина и наука. – М.: Московский Центр вальдорфской педагогики, 1992. 56 с.
17. Kant I. Predislovie ko vtoromu izdaniyu [Preface to the second edition]. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. Moscow, AST Publ., 2022. (In Russian). Available

at: <https://www.livelib.ru/book/58232/readpart-kritika-chistogo-razuma-immanuil-kant/~5>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой статьи размышляет о некоторых проблемах, возникающих сегодня в процессе попыток приведения философского и социально-гуманитарного знания к некоему общему для науки исследовательскому (прежде всего, методологическому) «стандарту». В этой связи следует понимать и название статьи, которое, впрочем, трудно было бы назвать удачным, поскольку, с одной стороны, оно не вполне точно отражает реальное содержание текста (поэтому читатель не сможет понять, окажется ли текст интересным для него), а, с другой стороны, в нём сливаются два совершенно различных сюжета, возникающих перед исследователем в процессе решения вопроса о «научности» философии и гуманитарных наук. Дело в том, что термин «демаркация» начиная с 30-х гг. прошлого века используется в качестве определяющего принципа установления научного статуса теорий независимо от их предметного содержания. Вспомним, что одним из примеров, который в своей первой книге рассматривал К. Поппер, была марксистская теория. Поппер утверждал, что до того, как Ф. Энгельс в своих поздних работах внёс корректизы, позволяющие преодолеть трудности, возникающие из-за строгости предсказаний (и, соответственно, возможности их «фальсификации»), предполагавшейся первоначальным вариантом марксизма, последний оказался «неопровергимой системой», а тем самым утратил и свой научный характер. То обстоятельство, что рассматриваемая теория относится к области социально-философского знания, никакого отношения к делу не имеет. Совсем другой вопрос – тема «концептуализации» в социально-гуманитарных науках. В этом пункте они принципиально отличаются как от естественных наук, так и от математики (вспомним дискуссии, в которых складывались неокантианские движения конца 19 – начала 20 веков). В процессе знакомства со статьёй остаётся неясным, зачем автор связывает эти две линии обсуждения специфики социально-гуманитарного знания, которые в действительности они имеют разное происхождение и разное значение. Невозможно не заметить, что в тексте непропорционально отражается содержание отдельных относящихся к теме вопросов. Например, непонятно, зачем в статье вообще упоминается Сведенборг. Вряд ли сегодня методологи всерьёз обсуждают его взгляды, когда пытаются конкретно, то есть на современном, актуальном, научном материале обсуждать тему своеобразия и «научности» социально-гуманитарного познания. Апелляция к «древностям» (Платон или Аристотель) также вряд ли уместна в этой статье, сегодняшняя философия, разумеется, «помнит» о великих учениях древней философии, но сколь-либо непосредственно «руководствоваться» их уроками уже невозможно, ситуация в философии и науке принципиально иная. Много обширных цитат, они могут быть сокращены без ущерба для содержания статьи. К сожалению, в тексте осталось и много пунктуационных ошибок и стилистических погрешностей. Тем не менее, подобные недостатки могут быть устранены в рабочем порядке, статья может быть рекомендована к публикации.